

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

На этот раз~
да!

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К67

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Lecia Cornwall

ONCE UPON A HIGHLAND AUTUMN

Перевод с английского *А.М. Медниковой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Taryn Fagerness и Synopsis.

Корнуолл, Лесия.

К67 На этот раз — да! : [роман] / Лесия Корнуолл ; [пер. с англ. А. М. Медниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093417-1

Юная шотландская аристократка Меган Макнаб и английский лорд Кит Россингтон решили, по древней горской традиции, пожениться временно, на год и один день, лишь бы избежать настойчивости родни, буквально навязывавшей им «прекрасные партии». Разумеется, их браку предстояло оставаться чистой фикцией, которая поможет отчаянной парочке в поисках таинственных сокровищ «проклятого замка» Глен-Дориан...

Но существуют ли эти сокровища? Быть может, легенда о них — всего лишь фантазия, в отличие от исходящей от замка вполне реальной опасности? А может, Меган и Кит, сами того не подозревая, уже обрели величайшую из драгоценностей — любовь друг к другу, которая лишь закалится их совместными приключениями?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lecia Cotton Cornwall, 2014

© Перевод. А.М. Медникова, 2015

ISBN 978-5-17-093417-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

*Глен Дориан
1817 год*

— А в этой сказке все правда?

Дункан Макинтош устремил взгляд на лицо ребенка.

— В каждой сказке есть правда, парень. Но это вовсе не сказка — это история твоего клана. Ты усомнился в моих словах?

— Но как дракон мог съесть всех жителей деревни? — спросил мальчик.

Ребенок, вопреки ожиданиям старого шотландца, не испугался его зверского выражения лица, чем откровенно раздосадовал рассказчика. Тогда Макинтош поднял над головой руки, и клетчатый плед образовал вокруг него некое подобие зловещих крыльев. Он слегка отстранился от огня, глаза его таинственно блеснули, а на лицо легли зловещие тени.

— Вот он, дракон! — в ужасе вскричал мальчик, цепляясь в страхе за материнские юбки.

Старый шоннекайд* клана Макинтош сел, и лицо его, вновь озарившись сполохами огня, тотчас смягчилось. Его узловатая рука легла на плечо мальчика.

— Ох, да не пугайся ты так, парень! Сказка — она для забавы. Такая работа у шоннекайда — хранить сказания клана и рассказывать их. Даже такие вот... почти правдивые, про драконов. А давай-ка расскажу тебе совсем правдивую историю, а?

* Хранитель традиций рода, бард, поэт и сказитель (*гэльск.*). — *здесь и далее примеч. пер.*

Ребенок капризно выпятил нижнюю губу:

— А в ней будут драконы?

— Нет. История о прелестной деве по имени Майри Макинтош, ее храбром лэрде и одном солдате. Про драконов в ней нет ни слова... ну, если не считать грозного герцога Камберлендского.

— А кто это такой? — спросил мальчик.

— Он был нечестивым сыном короля. Явился, чтобы покорить клан Макинтошей и всех прочих горцев.

Глаза мальчика распахнулись во всю ширь:

— История про кровь, мечи и смертоубийства?

Дункан насупился:

— Боюсь, об этом там будет даже с избытком... Ты боишься?

Мальчик отрицательно замотал головой и спросил:

— А про поцелуи там будет?

Лоб старика разгладил и старый Макинтош рассмеялся:

— Ага, будет... немного.

— А чем кончается рассказ?

— Не знаю. Потому что история еще не окончена.

— Ты что, еще не придумал конца истории? — возмутился ребенок.

Дункан поджал губы:

— Я тебе уже сказал, что это правдивое сказание, а во все не выдумка! Такие истории сказываются долго, парень. И конец сказки не возьмется ниоткуда — скажем, из воздуха... Случается некое событие, служащее началом сказания, — и порой это событие ужасно, а затем остается просто терпеливо ждать исхода. Я понятно объясняю?

— Думаю... да.

— Хорошо. Тогда придется тебе слушать внимательно и запоминать, чтобы в один прекрасный день самому пересказать эту историю. В этой долине жило великое множество Макинтошей до твоего да и до моего рождения — и я намерен позаботиться о том, чтобы ты узнал о каждом, прежде чем я покину этот мир. В один прекрасный день ты будешь вот так же сидеть у огня, парень, и рассказывать

древние предания своим сыновьям, потом внучатам — а затем наступит и их черед...

Мальчик оглянулся на озеро Лох-Дориан, названное в честь выдр, искони тут водившихся. Воды его мерцали в свете луны, черные и таинственные.

— А я узнаю конец этой истории? — спросил ребенок, отойдя от матери и положив ладошку на колено Дункана.

— Надеюсь, что да. А сейчас тебе предстоит узнать ее начало.

Старый шоннекайд усадил ребенка себе на колени, поцеловал его в темноволосую макушку и оглядел прочих слушателей — вокруг сидело с полдюжины горцев из клана Макинтош, не считая женщин и детей. Этим летним вечером все они расположились вокруг пылающего огня, чтобы послушать старые сказки под светом звезд, как делали это с давних пор все Макинтоши...

Дункан устремил взор на языки пламени, словно видел там картины давнего прошлого. Остальные придвинулись ближе к сказителю, и он начал свой рассказ:

— Это сказание о любви и ненависти, о войне и милосердии. Все началось много лет назад, во времена давней войны, когда кланы поднялись на битву за светлейшего принца Карла Стюарта, и пока они выбирали, на чью сторону встать, много чего приключилось — ужасного, устрашающего, — и тени этих событий по сей день витают над долиной... и нависает над ней тень проклятия...

— Проклятия Майри... — раздался чей-то испуганный шепот, и по толпе слушающих пробежал ропот.

— Да, — кивнул Дункан. — Проклятия Майри. Слушайте же. Я поведаю вам все, что знаю... но то самое проклятие и поныне витает над долиной, ожидая дня, когда явится некто и уничтожит его, и тогда любовь и счастье вновь воцарятся в Глен Дориан.

— И поцелуй? — спросил ребенок.

— И поцелуй тоже, — согласился Дункан и продолжил свой рассказ.

Глава первая

Леди Меган Макнаб стояла у подножия старой Гленлорнской башни, глядя на долину. Лето было в зените — в той благословенной поре, когда буйная зелень лишь готовится уступить место золотой осенней роскоши. Меган жадно ловила каждую деталь — старинную башню, новый замок, озеро, облака, осеняющие вершины гор, кольцом обступивших долину, — и вздыхала. Она будет скучать по здешней осени, но весной вновь возвратится сюда — и никогда, никогда более не оставит родного дома, кто бы чего от нее ни ожидал...

Она поглядела вниз, на замок Гленлорн — и ее обожгло чувство вины. Ей давно пора собираться в дорогу! Ведь они с сестрами уезжают всего через какую-нибудь пару часов... они сядут в экипаж и поедут в замок Дандрамми, к матери. Вдовствующая графиня Гленлорн удалилась туда, чтобы коротать дни в обществе своей вдовой золовки, поскольку ее пасынок Алек стяжал титул графа Гленлорна. Алек не так давно женился, и решено было, что его сестрицы проведут несколько месяцев с их общей матерью, чтобы молодые от души и без помех могли насладиться медовым месяцем.

Меган понимала, почему они должны уехать. Разумеется, понимала, ведь и сама была влюблена! Но исподволь девушка завидовала счастью брата. Предмет любви Меган был далеко отсюда, да и выйти замуж за возлюбленного она не могла. По крайней мере пока не могла, отчего все происходящее казалось Меган еще большей несправедливостью.

О, Ичэнн, милый Ичэнн! Меган поцеловала его на прощание вот на этом самом месте, в тени старинной башни, дав обет ждать его и хранить в тайне их любовь до той поры, пока он не вернется и не попросит ее руки. Девушка приложила палец к губам, тем самым губам, которые он целовал всего месяц назад — и сердце ее заняло от тоски...

Положительно, время пробежит быстрее, если она уедет отсюда. И как бы ни было трудно скрывать тоску, Меган должна это сделать! Мать наверняка воспротивится их

с Ичэнном помолвке — по ее мнению, такой жених недостойн графской дочки. А Алек как пить дать посчитает, что Меган еще слишком молода, чтобы своевольничать... А молодая жена его, Кэролайн, скажет, что Меган нужно сперва посмотреть мир и провести по меньшей мере один сезон в Лондоне, прежде чем сделать свой выбор. А сестрицы станут издеваться над ней из-за того, что она влюбилась в сына гленлорнского лесничего, у которого ни гроша за душой... Нет уж, пусть лучше все остается в тайне, пусть все будет известно лишь им двоим! Девушка извлекла из кармана маленькое помолвочное колечко, надела его на палец и улыбнулась. Скоро, очень скоро Ичэнн вернется домой, вернется богатым — и тогда никто не сможет ни в чем их упрекнуть!..

Но сейчас Меган предстояло ехать в Дандрамми, а оттуда по весне — в Лондон, где она и проведет сезон. Ее матушка надеялась, что там она очарует какого-нибудь богатого английского лорда, обвенчается с ним до наступления следующей весны и навсегда останется в Англии. Леди Деворгилла Макнаб провела все девятнадцать лет жизни Меган (а также все семнадцать, что живет на свете сестра Меган Алана, и все двенадцать, что здравствует сестра Сорча), мечтая о том, как выдаст дочек замуж за англичан, которых она во всех отношениях предпочитала шотландцам, будь те бедны или богаты, благородны или просты званием...

Меган нахмурилась. Увы, старшая дочка сильно разочарует матушку, но ведь случается так, что леди всерьез влюбляется! И вот, ее сердце отдано. Меган любит Ичэнна Ренни, сына лесничего, и она достаточно взрослая, чтобы решать сама за себя! От одной мысли о том, чтобы выйти за английского лорда по выбору матери и навсегда оставить родные места, девушку пробирала нервная дрожь.

Меган вновь окинула долину невидящими глазами. Сердце ее было сейчас там, в далеких морях, которые бороздил ее возлюбленный Ичэнн в поисках удачи. Даже родная мать не смогла остановить сына, в потайном кармашке у которого лежало золотое помолвочное колечко... Да, они повенчаются в гленлорнской часовне, выстроят себе роскошный дом здесь, в долине, и заживут счастливо!

— Меган!

Девушка обернулась. По склону холма к ней спешила Сорча, младшая ее сестра, рыжие косы которой взлохматились и непокорные кудри вились вокруг ее раскрасневшегося веснушчатого личика. Платье девочки было перепачкано травой и подоткнуто за пояс, а босые ноги испачкались в грязи. Меган подумала, как нелегко будет матери сделать из Сорчи добропорядочную английскую невесту. Впрочем, к тому времени, как Девогилла силой вынудит Сорчу поехать в Лондон на бал дебютанток, девочка уже сделается безупречной леди, достойной стать супругой герцога! Ну что ж... возможно. И Меган от души пожелала матери (ну и неведомому герцогу заодно) удачи с Сорчей...

Младшая сестра тяжело дышала, словно утомленная гончая на охоте.

— Я уже с час тебя разыскиваю! Мойра говорит, что уже пора ехать, а твой багаж еще и наполовину не уложен! Тебе же нечего будет надеть, когда мы прибудем в Дандрамми!

Меган еще раз окинула взглядом долину, словно не слыша Сорчу.

— Я просто прощаюсь с Гленлорном. Ну, по крайней мере... на какое-то время.

— Лучше прощаться с людьми, нежели с окрестностями, — отвечала Сорча. — Я вот уже сбегала в деревню и сказала друзьям, что к весне вернусь! — Девочка озорно улыбнулась сестре. — А вот ты не вернешься, ты отправишься в Лондон на свой первый сезон, и тебя будут одолевать эти безумные английские лэрды...

Меган взвилась:

— Лорды, Сорча, а вовсе не лэрды... и вообще, прекрати дразниться! — повелительным тоном приказала она и принялась спускаться по узенькой тропке, ведущей к замку.

Сорча сорвала цветочек и поскакала рядом с сестрой, словно горная козочка. Один за другим она обрывала лепестки.

— Ну-ка, скольких английских *лордов* поцелует Меган Макнаб? — припевала девочка, пританцовывая вокруг сестры. — Один... два... три...

— Перестань! — рывкнула Меган и вырвала у девочки цветок.

...Нет, она не поцелует никого, кроме Ичэнна!

Однако сестра сорвала другой цветочек.

— А ну-ка, сколько английских лордов придут попросить у Алека руки Меган? — вновь запела она, но Меган вырвала у нее и этот цветок — Сорча даже не успела начать считать.

— Я не поеду в Лондон и никогда не выйду за английского лорда! — страстно воскликнула девушка.

— Посмотрим, что скажет на это мама, — отвечала Сорча. — Ну а Мойра уже сказала, что «никогда» — это означает всего лишь «нескоро»!

Меган осеклась.

— Что-что сказала Мойра?

Старая Мойра обладала «видением» — ну, по крайней мере так о ней говорили.

Сорча совершенно по-мальчишечьи ухмыльнулась и потерла ладошкой щеку, на которой тотчас отпечаталось грязное пятно.

— А я думала, ты не веришь в старые сказки!

Меган устрашающе округлила глаза, окинув взглядом поросшие травой склоны гор и скалистые вершины, и вспомнила все легенды и предания, все старинные сказания, а заодно и поверье, что в долине и поныне живет волшебство...

...Разумеется, она в это верила!

Верила в это настолько, что решила стать хранительницей преданий клана, когда престарелый гленлорнский шоннекайд прошлой зимой отошел в мир иной, не оставив преемника. Меган обожала слушать старинные легенды и баллады и намеревалась все их записать, чтобы они не пропали бесследно. Однако сейчас, в обществе шаловливой Сорчи, девушка заносчиво вздернула подбородок. В данный момент она должна выглядеть взрослой и серьезной.

— Разумеется, в волшебство я не верю! Полагаю, чтобы достичь желаемого, куда важнее быть разумной, а вовсе

не считать лепестки или слушать пророчества всяких там старух!

— А вот Мойра предсказала мужа-англичанина... и несметные сокровища, — отвечала Сорча, которую разговоры о разумности ничуть не сбили с толку. — Она увидела все это в дыме, что поднимался от костра, ясно как днем!

У Меган мигом пересохло во рту.

— И это было предсказание... для меня? — едва выговорила девушка непослушными губами.

— А она этого не знает. Но что для одной из нас — это точно!

Меган с облегчением выдохнула. Возможно, опасность ей не грозит. Если только Мойра не увидела Ичэнна, что возвращается домой с легким сердцем и тяжелым кошельком... а в кармашке у него — золотое помолвочное колечко...

— В этом-то и беда пророчеств Мойры. Да, она видит что-то, однако не может объяснить, что все это значит!

— И все-таки сокровище — это совсем неплохо, — шептала Сорча. — Сундук золота да объемистый кошель с жемчугами и рубинами...

— Только если ко всему этому не прилагается англичанин! — сквозь зубы процедила Меган.

— Ну, мне-то нечего бояться — мне ведь лишь двенадцать! Уж точно он придет не за мной. А вот тебе почти двадцать... Если верить Мойре, тебе давным-давно пора замуж! А еще Мойра говорит, что тебе в твоём возрасте пора бы иметь уже дюжину детишек!

Щеки Меган запылали.

— Мало ли что там Мойра говорит, — проворчала девушка.

Они с Ичэнном мечтали о детях — о четырех или пяти крепеньких сыновьях, что пойдут в отца, и о двух или трех хорошеньких дочках... Сердце Меган сжалось от тоски. Может, стоит попросить Мойру еще раз поглядеть... ну, или поворожить?..

Тем временем они уже достигли тропинки, что вела вдоль берега озера — прохладной и тенистой. Меган остановилась и устремила взор на темные воды. Она предста-

вила, как Ичэнн сейчас глядит на совсем иную воду, так же тоскуя о ней...

— Как думаешь, есть у нас время искупаться? — спросила Сорча, пробуя ногой воду. — Сегодня такая жара!

Меган взглянула на разругавшееся личико сестры, мельком отметила грязные потеки на ее щеках. Завтра они уже придут в Дандрамми, и мама потребует, чтобы они вели себя, как подобает леди. Там не будет уже ни купаний, ни беготни по холмам... Сорчу запретят в покоях и будут учить английскому, а Меган и Алану ожидают томительные уроки танцев и светского этикета, а еще примерки отвратительных английских платьев в преддверии предстоящего лондонского сезона и, разумеется, корсетов, которые затягиваются столь туго, что способны перерезать девушку пополам...

А озеро манило, и Меган улыбнулась сестренке, скидывая туфли и через голову стягивая платье.

— Что ж, почему бы и нет? — сказала она. — Давай наперегонки до черных скал!

Меган нырнула в холодную воду, тотчас вынырнула отфыркиваясь — сквозь капли, повисшие на ресницах, горы вокруг виделись волшебными. О, наслаждение... какое непередаваемое наслаждение!

Улыбнувшись девочке, она нырнула вновь. Что бы ни сулило будущее, сегодня еще можно радоваться!

Глава вторая

*Белмонт-Парк, Дербишир, Англия
Июнь 1817 года*

Лорд Кристофер Линвуд мерил шагами гостиную дома на Белмонт-Парк, своего самого любимого и самого элегантного имения — того, которое ему в ближайшее время предстояло освободить.

— Разве я не граф Россингтон, разве не глава этой семьи? — вопрошал он свою мать, которая, безмятежно сидя у окна, занималась вышиванием.

Протягивая нитку сквозь тончайшее льняное полотно, женщина подняла глаза на сына:

— Разумеется, граф, дорогой. Никто в этом ничуть не сомневается.

Сын обвел взглядом окружающее великолепие: богатую позолоченную лепнину, изумительные полотна на стенах, драгоценные ковры, часы и мебель.

— И разве этот замок — не подходящее жилище для мужчины? Разве это не его святая святых? Разве все это не принадлежит графу по праву, которое никто не смеет оспорить?

Графиня сделала очередной стежок:

— Все это так. Однако, увы, ты холостяк, Кит...

— Ну и какое это имеет значение?

— Просто я хочу сказать, что будь ты женат, супруга не позволила бы твоей родне досаждать тебе. Ты мог бы сказать «нет» — и твоя жена, если бы таковая у тебя была, поддержала бы тебя. Но поскольку ты холост, то твой дом или дома, если тебе угодно, распахнуты настежь. Ну зачем одинокому джентльмену такой замок? Не говоря уж о том, что у тебя их пять...

Кит насупился, глядя на мать, но та, сосредоточившись на рукоделии, не заметила его сердитого взгляда.

— Но они принадлежат мне, — сказал он, зная, что это звучит как жалкое оправдание. Однако отступать было уже поздно — поздно вот уже полтора года, с тех самых пор, как он унаследовал титул, а заодно и все проблемы, к нему прилагающиеся. — Я оплачиваю счета, обеспечиваю родне содержание. Арабелла замужем, у нее собственный дом, если мне будет позволено об этом напомнить, и...

Графиня с изумлением воззрилась на сына, пальцы упали ей на колени.

— Ну полно, Кит, будь благоразумным! Неужели ты полагаешь, что твоя сестра останется с Коллингвудом после столь ужасного оскорбления? Нет, его положительно следует проучить — несколько недель, проведенные в разлуке с супругой, пойдут ему на пользу! Впрочем, это будет урок для них обоих!

— У них что ни день, то непростительное оскорбление, однако беда в том, что никому не понятно, в чем эти оскорбления состоят! На сей раз она клянется, что никогда не вернется к мужу и грозитя навсегда остаться тут, в Бельмонте, — сказал Кит.

— Чепуха! — пробормотала графиня. — Как только Коллингвуд подобающе извинится перед ней, она тотчас упадет в его объятия, точно спелая слива в девичий подол! Не тревожься, этого ждать недолго. Размолвка продлится в худшем случае до Рождества.

Брови Кита поползли на лоб, он перестал расхаживать по комнате и замер перед матерью.

— Означает ли это, что я буду изгнан из собственного дома вплоть до самого Рождества?

Графиня отвела взгляд.

— Ну... я уверена, что Арабелла при любых обстоятельствах уладит семейную размолвку до начала следующего весеннего сезона...

Кристофер ощутил в груди пугающую пустоту.

— До следующей весны? Но это уж никак не пара недель... это же почти год!

Графиня выдавила улыбку:

— Будь паинькой и прикажи подать нам чаю, будь так любезен! Сегодня необычайно жарко, даже для июля, не правда ли? — Наблюдая за тем, как сын послушно исполняет ее просьбу, вдовствующая графиня улыбалась. Однако, заметив, с какой яростью Кит дернул за шнурок звонка, женщина нахмурилась: — По-прежнему уверена: в этом всецело твоя вина! Ты мог бы попытаться их помирить или мог остаться тут, в Бельмонте, и убедить сестру возвратиться в дом мужа раньше. В конце концов, ведь ты — глава семьи!

Кит насупился. Глава семьи... Как второму сыну ему была предначертана карьера военного, а вовсе не титул... Однако почти два года тому назад все переменялось. Случилось несчастье, его отец и старший брат погибли, и Кит поневоле сделался графом Россингтоном. Он помнил, в какое ошеломление пришла его сестра. «Кит станет гра-

фом? — вскричала она и разразилась хохотом. — Да это же катастрофа!»

Это и в самом деле катастрофа. В одно мгновение Кит превратился из юноши, на которого никто и внимания не обращал, в человека, чей долг — верховодить, главенствовать и делать все необходимое для блага семьи. Об армии, для которой его и воспитывали всю жизнь, речи теперь не шло — теперь у него появилась *ответственность*. И слово это тотчас стало для Кита самым ненавистным. И проблема заключалась вовсе не в его слабости — нет, он вовсе не был слабаком! Пусть его и не воспитывали как будущего графа, но Кит твердо знал, что ему нравится и чего он хочет. Но вот отвечать за властную мать, за горластую сестру и вечно чего-то требующего младшего брата было все равно, что приказывать ветру не дуть — он все равно будет дуть, хочешь ты того или нет, и единственным выходом оставалось покориться и плыть по воле бурных волн...

Легко матушке предлагать ему вмешаться в дела сестры! Но каким образом может он решить проблему Арабеллы? Ее супружеские размолвки почти вошли в пословицу, оба они — и сестра, и ее муж — отличались пылким нравом, а также ослиным упрямством, чем и прославились в кругах английской аристократии. Наверное, Кит мог *приказать* сестре возвратиться в супружеское лоно, но тогда он заведомо стал бы виновником всех их последующих семейных склок. Да лучше он по собственной воле засунет руку в осиное гнездо, чем влезет в их семейные дела! Тем более что смысла ни в том, ни в другом ровным счетом никакого...

— Как ты уже сказала, матушка, я — холостяк. Так какой совет могу я дать сестре?

Матушка улыбнулась:

— Ну тогда поезжай в Шируотер и повеселись там неделю-другую!

...Шируотер — его второе имение, драгоценная шкатулка на самом берегу моря...

— Не могу. Там Алан проводит свой медовый месяц. Его собственное имение сейчас перестраивается и вряд ли будет готово раньше ноября.

— О да, это было бы ужасно — вторгнуться в эдакую идиллию... А что насчет Линвуд-Хауса? — спросила мать.

— Ехать в Лондон? В это время года? — изумился Кит. — Сейчас чересчур жарко, к тому же в разгар лета в Лондоне царит смертная скука. — Он подошел к камину и устремил взгляд на картину, на которой был изображен Коулфакс-Касл, его четвертое имение. — Что ж, всегда остается...

Матушка резво вскочила на ноги:

— Ни слова! Коулфакс — мой до самого Рождества! Это традиция! И я уже пригласила гостей...

— Но ведь дом для вдовствующей графини там же, в Коулфаксе, отделан и подготовлен еще год назад! И я помню, какие мне приходили счета... Уверен, тебе там будет вполне удобно.

Мать сердито взглянула на сына:

— Во-первых, это было два года назад, а во-вторых, там чересчур тесно! Ко мне, как водится, приезжает кузина Уинифред, и нам двоим необходим простор — она в одном крыле замка, я в другом... ну так, на всякий случай...

— На всякий случай? Каждый год одно и то же: приезжает Уинифред, а после следуют потоки слез и несколько дней шушуканья и обмена сплетнями, душевной дружбы и мира. Затем вас обеих начинают раздражать всякие мелочи. И вскоре вы перестаете разговаривать друг с другом и живете каждая в своем крыле замка — и так, пока кузина не уберется восвояси! С какой стати ты настаиваешь на том, чтобы вы провели вместе целых полгода? Вы же шипите друг на друга, словно кошки! Разве мало вам переписки? У тебя есть еще время написать кузине и попросить не приезжать в этом году...

Мать скорбно надула губы:

— Как ты жестокосерд, Кит! Она же моя кузина и мы обе одинокие вдовы! Разумеется, мы должны с ней встретиться! И твое общество для нас было бы нежелательно. Да ты и сам нашел бы нас отменно скучными... Так что насчет Торнтон-Эбби?